

Центр независимых
социологических
исследований

На перепутье:
методология, теория
и практика ЛГБТ
и квир-исследований

Санкт-Петербург
2014

УДК 304.2
ББК 60.54
Н12

*Книга издана при финансовой поддержке
Фонда Розы Люксембург*

Редактор-составитель: *Александр Кондаков*

Фото на обложке: *Наташа Счастлива*

На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квин-
Н12 **исследований** : [сборник статей] / Центр независимых социологи-
ческих исследований ; ред.-сост. А. А. Кондаков. — СПб., 2014. —
XXII с., 466 с.

ISBN 978-5-91918-426-3

Данная книга — результат одноименной конференции, состоявшейся в Санкт-Петербурге в октябре 2013 года. В статьях сборника представлены выводы эмпирических и теоретических исследований сексуальности, выполненных специалистами разных дисциплин и при помощи широкого спектра подходов. Социологические, политологические, психологические, филологические, лингвистические, культурологические, юридические работы делают равноценный вклад в общий архив знаний о сексуальности в России и иных контекстах.

Книга предназначена для научных сотрудников и преподавателей вузов, интересующихся гендерными исследованиями и исследованиями сексуальности.

УДК 304.2
ББК 60.54

Ограничение по возрасту 18+

Производство нормативности в дискурсе запрета «пропаганды гомосексуализма»

*Николай Горбачев**

В 2006 году в Рязанской области был принят закон, запрещающий «пропаганду гомосексуализма» среди несовершеннолетних. В течение нескольких лет аналогичные законы были приняты еще в 11 субъектах РФ, а в 2013 году такой законопроект был внесен на рассмотрение Государственной Думы РФ. В результате трех чтений его формулировка была изменена, и на федеральном уровне запрет был наложен на «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». Тем самым впервые с момента отмены уголовного преследования за «мужеложство» в 1993 году российское право обратилось к нормированию гомосексуальности.

Эта статья представляет результаты исследования, целью которого был анализ функционирования дискурса запрета «пропаганды гомосексуализма» в Российской Федерации. В нем изучалось производство сексуальной нормы в действующих нормативных актах, законотворческих инициативах и правоприменительной практике законов о запрете «пропаганды гомосексуализма».

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Социальное нормирование предполагает установление легитимных норм поведения и распространяется на многие сферы жизни человека, включая его сексуальность. Нормирование сексуальности производится властными отношениями; власть проявляется через многочисленные дискурсы о сексе, целью которых является контроль репродуктивного поведения (Фуко 1996). Конструирование социальной нормы происходит через дискриминацию несоответствующих

* Европейский гуманитарный университет (Вильнюс, Литва). Адрес для связи: n.gorbachov@gmail.com.

этой норме социальных групп. Указывая на это, Ирина Куприянова отмечает, что:

современные гендерные нормы направлены исключительно на гетеросексуальную модель отношений. Гомосексуальность представляется ярким примером столкновения практик и легитимного дискурса (Куприянова 2004).

Социальную стигматизацию гомосексуальности можно рассматривать как одно из воплощений запрета нерепродуктивного секса. Надежда Нартова пишет:

гетеросексуальная семья — это социальный институт, обеспечивающий стабильность определенных систем власти и поддерживающийся различными формами принуждения от насилия до идеологии и экономического регулирования¹.

Криминализация, медицинская патологизация и стигматизация гомосексуальности являются инструментами закрепления гетеросексуальности в качестве единственной легитимной нормы.

Анна Темкина и Елена Здравомыслова указывают, что государственное управление гендерными отношениями осуществляется как через «нормативное принудительное регулирование», так и через «идеологический аппарат принуждения, контролирующей гендерные отношения через доминирующие официальные дискурсы» (Здравомыслова, Темкина 2004). Такое управление предполагает и контроль сексуальности, в частности гетеросексуальности: нормативное регулирование может выражаться в законодательном запрете и введении санкций за гомосексуальные отношения, а идеологическое — в наличии в официальном дискурсе негативных суждений и оценок данного явления. В этой связи можно задаться вопросом, является ли законодательный запрет «пропаганды гомосексуализма» регулированием нормативным, идеологическим или же сочетающим в себе оба эти механизма?

Александр Кондаков считает, что правовой дискурс «формирует реальность» не только своим правовым действием, но и «конструирует особый род субъективности», выражая собой властный дискурс

¹ Нартова Н. Гомосексуальность, утопии и право на семью // Queerumir. Ru. URL: <http://www.queerumir.ru/site/research/nartova.html> (дата обращения: 27.03.2013).

государства (Kondaikov 2010, перевод мой. — Н. Г.). Действие закона связано с осуществляемым им нормативным регулированием и с дискурсом, который он порождает. Так, запрет «пропаганды гомосексуализма» формирует определенную социальную норму и представление о гомосексуальности.

Утверждение о конструирующем эффекте дискурса основано на убеждении, что язык не нейтрален. Речь или же текст не являются объективным отражением «реальности», а конструируют ее:

...в пользу тезиса о том, что реальность не существует вне ее репрезентации <...> говорит и тот факт, что основным механизмом смыслопорождения в текстах масс медиа являются коннотации — понятие буквального смысла здесь не работает (Усманова 2002).

Слова создают образы объектов, тексты — репрезентации; в масштабах дискурса этот процесс приобретает признаки конструирующего «реальность». Дискурсы взаимозависимы — они производят, воспроизводят и изменяют друг друга (Фуко 1996). Большое влияние на конструирование социальной нормы оказывает дискурс медиа. Александр Кондаков отмечает:

...формальных механизмов формирования истины у медиа-дискурса нет. Юридический дискурс имеет власть и возможность определять истину через «правосудие» <...> Механизм медиа-дискурса в этом отношении — апелляция к тому, что потребителю уже знакомо, к той истине, которая и является «неоспоримой» (Кондаков 2011).

Концепт «пропаганды гомосексуализма» не был рожден правовым дискурсом и использовался ранее. Дискурс «пропаганды гомосексуализма» является родительским по отношению к дискурсу *запрета* «пропаганды гомосексуализма». Последний воспроизводит те же идеи, однако задает ему новое направление: в силу того, что бытовая гомофобная риторика воспроизводится на государственном уровне, законодательный запрет «пропаганды гомосексуализма» возводит борьбу с ним в статус государственной политики.

Действие дискурса запрета «пропаганды гомосексуализма» заключается в производимом им социальном нормировании — именно это и является его «истиной», конструируемой им «реальностью». Эта «истина» воспроизводится другими дискурсами, а вместе с ней происходит закрепление соответствующей социальной нормы.

КОНЦЕПТ «ПРОПАГАНДЫ ГОМОСЕКСУАЛИЗМА»

Обратимся для начала к анализу концепта «пропаганды гомосексуализма». Пропаганда как деятельность, направленная на распространение и формирование определенных взглядов, идей, ценностей, идеологий, предполагает ситуацию выбора. Использование понятия «пропаганда» в отношении гомосексуальности формирует представление о том, что сексуальная ориентация является 1) предметом выбора, 2) характеристикой человека, определяющей его поведение и взгляды (идеологией, мировоззрением).

Употребление при этом термина «гомосексуализм» усиливает эффект (суффикс «-изм» служит для образования существительных со значением идейного течения) и дает негативную оценку (слово имеет множественные негативные коннотации, связанные с патологизацией и криминализацией гомосексуальности). Использование концепта «пропаганды гомосексуализма» в контексте необходимости его запрета подтверждает эти выводы. Устойчивость и широкое распространение этого выражения делают концепт «пропаганды гомосексуализма» идеологическим клише — он эмоционально окрашен и несет в себе идейную составляющую, выраженную в негативной оценке гомосексуальности и необходимости борьбы с ней.

Концепт «пропаганда гомосексуализма» в правовом дискурсе получает новые коннотации. Обратившись к Конституции РФ, можно увидеть, что через законодательный запрет «пропаганда гомосексуализма» дискурсивно сопоставляется и признается столь же опасной для общества и государства, как пропаганда социального, расового, национального или религиозного превосходства, поскольку только этими запретами ограничивается перечень исключений из конституционных гарантий свободы мысли и слова.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АППАРАТ ДИСКУРСА

Формулировки законов о запрете «пропаганды гомосексуализма» не идентичны. Первый такой закон предусматривал ответственность за «публичные действия, направленные на пропаганду гомосексуализма (мужеложства и лесбиянства) среди несовершеннолетних» (ст. 3.13 Закона Рязанской области «Об административных правонарушениях»). Самая лаконичная из формулировок предполагает запрет

«пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних» (ст. 10 Закона Архангельской области «Об отдельных мерах по защите нравственности и здоровья детей в Архангельской области»). Некоторые конкретизируют, что под этим понимается «мужеложство» и «лесбиянство», или же налагают запрет на последние, не объединяя их термином «гомосексуализм». Со временем региональные законодатели начинают распространять запрет также на «пропаганду» «бисексуализма» и «трансгендерности».

В этих законах не используется термин «гомосексуальность», нейтральный по своей эмоциональной окраске и лишенный негативных коннотаций. Вместо этого употребляются имеющие негативные смыслы слова «гомосексуализм» и «мужеложство». Настойчивость в использовании этой лексики проявляется в изобретении слова «бисексуализм». В дискурсе отсутствует также и термин «гетеросексуальность», вместо чего говорится о «традиционных семейных отношениях». Гомо- и бисексуальность, а также трансгендерность противопоставляются им и объявляются «нетрадиционными». Гетеросексуальность рассматривается не как вариант сексуальной ориентации, но конструируется в качестве единственной нормы, а гомо-, бисексуальность и трансгендерность как отклонения от нее.

НОРМИРОВАНИЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Несмотря на то что этот дискурс рождается в правовом поле, нормирование сексуальности в нем производится через апелляцию к «традиции». Суды неоднократно ссылаются на «традиционные ценности», из чего заключают «социальную неравноценность» гомосексуальности и гетеросексуальности. Научные или юридические обоснования этой «неравноценности» судами не приводятся. Правовые и медицинские документы, определяющие гомосексуальность в качестве варианта нормальной сексуальной ориентации наравне с гетеросексуальностью (гомосексуальность не считается болезнью в соответствии с ратифицированной в 1999 году Российской Федерацией МКБ-10 (международной классификацией болезней десятого пересмотра), а гомосексуальные контакты с момента отмены уголовного преследования за мужеложство не квалифицируются как преступные и не преследуются), в дискурсе не рассматриваются; современное научное знание последовательно игнорируется.

Российское право не дает четкого определения понятий семьи и брака как союза разнополых гетеросексуальных индивидов. Обоснование такого понимания этих понятий судами происходит через апелляцию к «традиционному, воспринятому от предков пониманию»² или к «национальным традициям отношения к семье как биологическому союзу, основанному на браке мужчины и женщины»³. Отметим также, что здесь социальный институт брака понимается как «биологический союз». Позднее, уже в федеральном законопроекте о запрете «пропаганды гомосексуализма» указывается:

Семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений⁴.

Законодателями и судами сексуальность последовательно отождествляется с репродуктивностью, что также используется для конструирования гетеросексуальности в качестве легитимной нормы и утверждения «нетрадиционности» гомосексуальности.

В некоторых регионах РФ запрет «пропаганды гомосексуализма» принимался одновременно с запретом «пропаганды педофилии». Не рассматривая отдельно этот концепт, отметим, что проведение параллелей между педофилией (расстройством сексуального предпочтения с точки зрения медицины и преступлением с точки зрения права) и гомосексуальностью закрепляет за последней негативные смыслы и служит укреплению расхожих стереотипов о склонности гомосексуалов к педофилии.

Законы о запрете «пропаганды гомосексуализма» воспроизводят гетеронормативный дискурс и патологизируют гомосексуальность. Дискурс запрета «пропаганды гомосексуализма» имеет идеологическую составляющую, служит укреплению негативного образа ЛГБТК-сообщества.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2010 г. № 151-О-О.

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 августа 2012 г. № 1-АПГ12-11.

⁴ Пояснительная записка к Проекту № 44554-6 Федерального Закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ «ПРОПАГАНДЫ ГОМОСЕКСУАЛИЗМА»

Первая попытка законодательного запрета «пропаганды гомосексуализма» была предпринята в 2003 году. Тогда одним из депутатов Государственной Думы было предложено дополнить Уголовный кодекс РФ статьей следующего содержания:

Пропаганда гомосексуализма, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, в том числе выражающаяся в публичной демонстрации гомосексуального образа жизни и гомосексуальной ориентации, наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет⁵.

Этот законопроект был отклонен и получил критические отзывы со стороны комитетов Государственной Думы и Правительства РФ. Отметим, что тогда «пропаганду гомосексуализма» предлагалось рассматривать как уголовное преступление, а преступника — ограничивать в профессиональной деятельности. Виды деятельности конкретизировались в пояснительной записке:

преподавательская, воспитательная и иная работа среди детей и молодежи, а также занятие начальственных должностей и положение в армии и исправительных учреждениях⁶.

Тогда о запрете «пропаганды гомосексуализма» только среди несовершеннолетних речи еще не шло. Помимо сферы воспитания и образования детей и молодежи законопроект определяет армию и исправительные учреждения как социальные институты, значимые для запрета «пропаганды гомосексуализма». Можно предположить, что такой дискурс неявно реагирует на возможность сексуального насилия, которое там имеет место. Кроме того, в пояснительной записке указывалось:

⁵ Проект № 311625-4 Федерального Закона «О внесении дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, направленных на введение ответственности за пропаганду гомосексуализма».

⁶ Пояснительная записка к проекту № 311625-4 Федерального закона «О внесении дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, направленных на введение ответственности за пропаганду гомосексуализма».

Пропаганда гомосексуализма приняла в современной России самый широкий размах. Пропаганда эта ведется как через средства массовой информации, так и через активное внедрение в образовательных учреждениях учебных программ, пропагандирующих гомосексуализм как норму поведения⁷.

Пояснительная записка к законопроекту, внесенному в Государственную Думу в 2013 году и предлагавшему установить административную ответственность за «пропаганду гомосексуализма», начинается словами:

Пропаганда гомосексуализма приняла в современной России широкий размах. Такая пропаганда ведется как через средства массовой информации, так и через активное проведение общественных акций, пропагандирующих гомосексуализм как норму поведения⁸.

Сходство формулировок позволяет рассматривать эти документы как принадлежащие к одному дискурсу, несмотря на то что между их рассмотрением на федеральном уровне прошло 10 лет. Можно утверждать, что предложенное в 2003 году определение «пропаганды гомосексуализма» как «публичной демонстрации гомосексуального образа жизни и гомосексуальной ориентации» послужило отправной точкой для последующих формулировок. В пояснительной записке к федеральному законопроекту 2013 года используется уже определение «пропаганды гомосексуализма», данное Конституционным Судом РФ в 2010 году:

как деятельности по целенаправленному и бесконтрольному распространению информации, способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе сформировать искаженные представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных брачных отношений⁹.

⁷ Там же.

⁸ Пояснительная записка к Проекту № 44554-6 Федерального Закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2010 г. № 151-О-О.

Верховный Суд РФ, в свою очередь, определяет пропаганду гомосексуализма как:

активное навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях между людьми, направленных на формирование искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных брачных отношений¹⁰.

Отметим, что здесь (1) гомосексуальность, бисексуальность и трансгендерность (называемые в данных законах «нетрадиционными») признаются «социально неравноценными» гетеросексуальности, (2) представление об их равноценности называется «искаженным», (3) представление о нормальности гомосексуальности (ее равноценности гетеросексуальности) рассматривается как результат нанесения «вреда здоровью, нравственному и духовному развитию», вместе с тем (4) информация о «нетрадиционных сексуальных отношениях» рассценивается как способная нанести такой вред.

Верховный Суд РФ отмечает, что запрет «пропаганды гомосексуализма» «не препятствует реализации права получать и распространять информацию общего, нейтрального содержания о гомосексуальности»¹¹, а также не содержит запрета «простого упоминания гомосексуальности»¹².

Эти формулировки неконкретны, что открывает возможности для их вольного толкования; они не дают четкого представления о том, что относится к «пропаганде гомосексуализма», а что нет. Обоснование существования «пропаганды гомосексуализма» происходит через риторическое разделение «активного навязывания» и «общего», «нейтрального», «простого» обсуждения. В одном из своих заключений при рассмотрении федерального законопроекта Комитет Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей предлагает уточнение:

пропаганда гомосексуализма среди несовершеннолетних выражается в проведении в местах, доступных для детей, зрелищных мероприятий с участием гомосексуалистов, в призыве и одобрении

¹⁰ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 августа 2012 г. No 1- АПГ12–11.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

гомосексуальных связей на телевидении, радио в доступное для детей время¹³.

Хотя запрет утверждения нормальности гомосексуальности в законах и определениях судов не конкретизируется, вследствие расплывчатости формулировок он и не исключается. Ограничивается не только возможность утверждения нормальности гомосексуальности, но и противодействия патологизирующим дискурсам, которые воспроизводятся в том числе самим запретом «пропаганды гомосексуализма». Таким образом, критика этого закона потенциально нарушает сам закон.

Отметим также, что суды, утверждая «социальную неравноценность традиционных и нетрадиционных брачных отношений», при этом не усматривают «признаков дискриминации»¹⁴, «порицания и отрицательной оценки гомосексуализма»¹⁵ в законах о запрете «пропаганды гомосексуализма».

ПРАВО РЕБЕНКА НА СЕКСУАЛЬНУЮ САМОИДЕНТИФИКАЦИЮ

Верховный Суд РФ отмечает, что запретом «пропаганды гомосексуализма»

не ограничивается право самого ребенка получать информацию, в том числе о гомосексуализме, если это обусловлено потребностями самого ребенка, сообразно его возрастным особенностям¹⁶.

Определенные трудности в этой формулировке вызывает указание на «сообразность возрастным особенностям». Непонятно, о «сообразности» чего идет речь — потребностей или информации. В первом случае можно предположить, что гомосексуальность рассматривается

¹³ Заключение Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей от 13 декабря 2012 г. No 3.6-12/33.

¹⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 августа 2012 г. No 1-АПГ12-11.

¹⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2012 г. No 87-АПГ12-2.

¹⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 августа 2012 г. No 1-АПГ12-11.

как «возрастная особенность», которая со временем проходит. Вторым вариантом позволяет заключить, что информация о гомосексуальности должна быть подвергнута фильтрации и цензуре, а именно через запрет «пропаганды гомосексуализма» доступный несовершеннолетним дискурс о гомосексуальности ограничивается лишь патологизирующей составляющей.

Если ребенок в процессе сексуальной самоидентификации испытывает трудности, то это обуславливает его потребность во всесторонней и исчерпывающей информации о сексуальности вообще и гомосексуальности в частности. Какими еще потребностями может быть обусловлен поиск информации о гомосексуальности в обществе, где гетеросексуальность рассматривается в качестве «нормы», а все прочее как патология и отклонение от этой «нормы»? И какой эффект может оказать эта информация на процесс сексуальной самоидентификации ребенка?

Ненадолго оставим эти почти риторические вопросы и отметим, что в этой формулировке все же происходит утверждение права ребенка на сексуальную самоидентификацию. Далее Верховный Суд указывает, что «пропаганда гомосексуализма»:

как публичное активное навязывание гомосексуальности и информации о ней, содержание которой может оказать негативное воздействие на формирование личности ребенка, в том числе в вопросах его сексуальной самоидентификации, вызвать интерес к нетрадиционным сексуальным отношениям, объективно не основанный на физиологических особенностях такого ребенка¹⁷.

Здесь суд называет сексуальную ориентацию «физиологической особенностью», т. е. исходит из биологической природы сексуальности. С этой точки зрения сексуальная ориентация человека предопределена некоторыми «естественными» биологическими факторами; процесс сексуальной самоидентификации в таком случае является познанием, открытием своей «природной» сексуальности, а не вопросом выбора. Тем не менее суд не усматривает в этом противоречия самой возможности «пропаганды» какой-либо сексуальной ориентации и утверждает, что таковая может вызвать «интерес <...> объективно не основанный на физиологических особенностях такого ребенка».

¹⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 августа 2012 г. № 1-АПГ12-11.

Суд продолжает утверждение права ребенка на сексуальную самоидентификацию и обосновывает запрет «пропаганды гомосексуализма» ограждением ребенка от информации, способной повлиять на этот процесс. Тем самым право на сексуальную самоидентификацию закрепляется только за потенциально гетеросексуальными детьми и подростками (еще не осознавшими свою сексуальную ориентацию, но гетеросексуальными в силу «физиологических особенностей»). Права потенциально гомосексуальных детей и подростков (чьей «физиологической особенностью» является гомосексуальность, чья сексуальная самоидентификация без постороннего вмешательства будет гомосексуальной) игнорируются; давление, оказываемое на них гетеронормативным обществом, не распознается.

В пояснительной записке к федеральному законопроекту о запрете «пропаганды гомосексуализма» указывается:

Широкое распространение пропаганды гомосексуальных отношений отрицательно влияет на формирование личности ребенка, размывает его представление о семье как союзе мужчины и женщины и фактически создает условия для ограничения свободы выбора сексуального предпочтения ребенка до того, когда он повзрослеет¹⁸.

Эта фраза сформулирована расплывчато и некорректно, из-за чего позволяет, в частности, заключить, что когда ребенок повзрослеет, свобода его выбора может быть ограничена. Однако более важно то, что здесь применяется альтернативный взгляд на природу сексуальной ориентации — она понимается как «свободный выбор». Если отталкиваться от того, что сексуальная ориентация является вопросом выбора, то этот «выбор» должен предполагать свободу «предпочтения» гетеро-, гомо- или бисексуальности. Однако представление о «семье как союзе мужчины и женщины» определяется единственно допустимым при формировании «сексуального предпочтения». «Выбор» подразумевает только один вариант — гетеросексуальность, и такой «выбор» рассматривается как «свободный»; «выбор» гомосексуальности определяется как результат «отрицательного влияния» и «ограничения свободы».

¹⁸ Пояснительная записка к Проекту No 44554-6 Федерального Закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

Данный дискурс строится на позиции, что ребенок априори гетеросексуален. Сексуальная ориентация может конструироваться как «физиологическая особенность» или как «свободный выбор», однако в любом случае предполагается, что сексуальная ориентация любого ребенка без постороннего вмешательства будет гетеросексуальной. Гомосексуальность конструируется как отклонение, возникшее в результате внешнего воздействия — «пропаганды гомосексуализма».

Дети и подростки, осознающие свою гомо-, бисексуальность или трансгендерность, испытывают давление со стороны гетеронормативного общества (Омельченко 2002), которое оказывает на них разрушительное влияние и нередко вызывает психологические трудности. Исследования демонстрируют, что ЛГБТК-подростки чаще думают и совершают попытки суицида¹⁹. Запрет «пропаганды гомосексуализма» усиливает давление на таких детей и подростков, замыкая их в гомонегативистском дискурсе, лишая их необходимой поддержки, квалифицированной психологической помощи, а также ограничивая возможности их включения в общественную жизнь. Запрет «пропаганды гомосексуализма» обосновывается заботой о детях, но его действие — как правовое, так и дискурсивное — противоположно.

КОНЦЕПТ «ПРОПАГАНДЫ НЕТРАДИЦИОННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Исследование, на котором основана эта статья, было завершено до принятия федерального закона со всеми действующими поправками. Так, формулировка запрета «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» (ст. 6.21 Кодекса об административных правонарушениях РФ) в данный анализ не вошла. Однако мне хотелось бы отметить одну черту этого дискурса. Он начинается с определения «пропаганды гомосексуализма» как «публичной демонстрации гомосексуального образа жизни и гомосексуальной ориентации», а заканчивается определениями судов об «активном навязывании информации о нетрадиционных сексуальных отношениях» несовершеннолетним. Я не буду останавливаться на обстоятельствах и причинах таких трансформаций формулировок и определений, но

¹⁹ Suicidal Behavior Among Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender Youth // American Association of Suicidology. URL: http://www.suicidology.org/c/document_library/get_file?folderId=232&name=DLFE-334.pdf (дата обращения: 03.01.14).

хочу лишь заметить, что в ходе обсуждения — общественного, правозащитного, медийного — формулировки этих законов претерпевают существенные изменения.

Примечательно, что в окончательной версии закона нет прямого указания на то, что им предполагается запрет «пропаганды гомосексуализма» или любой иной сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Это наверняка подразумевается в контексте первоначальных формулировок, а также того, что при толковании принятых ранее законов все эти сексуальности неоднократно назывались «нетрадиционными сексуальными отношениями», однако сейчас формулировка закона совсем иная. Изменения, которые претерпел первоначальный проект закона, имеют расширительный характер. Использование подобных формулировок сглаживает некоторые острые углы, однако не способствует конкретизации предмета запрета, делая его еще более размытым и неопределенным. Так, «нетрадиционными сексуальными отношениями» потенциально могут быть названы различные сексуальные практики и формы отношений, осуществляемые людьми с любой гендерной идентичностью и сексуальной ориентацией, в том числе гетеросексуалами. В контексте того, что при разработке этого закона сексуальность последовательно отождествлялась с репродуктивностью, нельзя исключать, что «нетрадиционными» могут быть названы любые сексуальные отношения, не ведущие к зачатию.

Развитие дискурса запрета «пропаганды гомосексуализма» рождает новый дискурс. Действие этого дискурса заключается в стигматизации и патологизации гомосексуальности, а также претендует на более широкое нормирование сексуальности. Необходимые разъяснения предмета запрета, возможно, будут получены при обжаловании нового закона в судах. Не исключено, что за рамки легитимной нормы будут вытесняться не только гомосексуальность, бисексуальность и трансгендерность, но и различные формы сексуальных отношений, свойственные также и гетеросексуалам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Здравомыслова, Тёмкина 2004 — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // *Журнал исследований социальной политики*. 2004. № 3–4. С. 299–321.
- Кондаков 2011 — Кондаков А. Порядок дискурсов в формировании девиантных черт гомосексуальной субъективности // *Парадигма*. 2011. № 16. С. 65–74.

- Куприянова 2004 — Куприянова И. С. *Конструирование гендерной нормы в современном российском обществе* : дис. канд. социол. наук: 22.00.06. Саратов, 2004.
- Омельченко 2002 — Омельченко Е. Изучая гомофобию: механизмы исключения «другой» сексуальности в провинциальной молодежной среде // *В поисках сексуальности: сб. ст.* / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 469–508.
- Усманова 2002 — Усманова А. Сексуальность и политика в белорусских мас-медиа // *В поисках сексуальности: сб. ст.* / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 511–526.
- Фуко 1996 — Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь, 1996.
- Kondakov 2010 — Kondakov A. Heteronormativity of the Russian Legal Discourse: The Silencing, Lack, and Absence of Homosexual Subjects in Law and Policies // *Sortuz*. 2010. 4(2). P. 4–23.